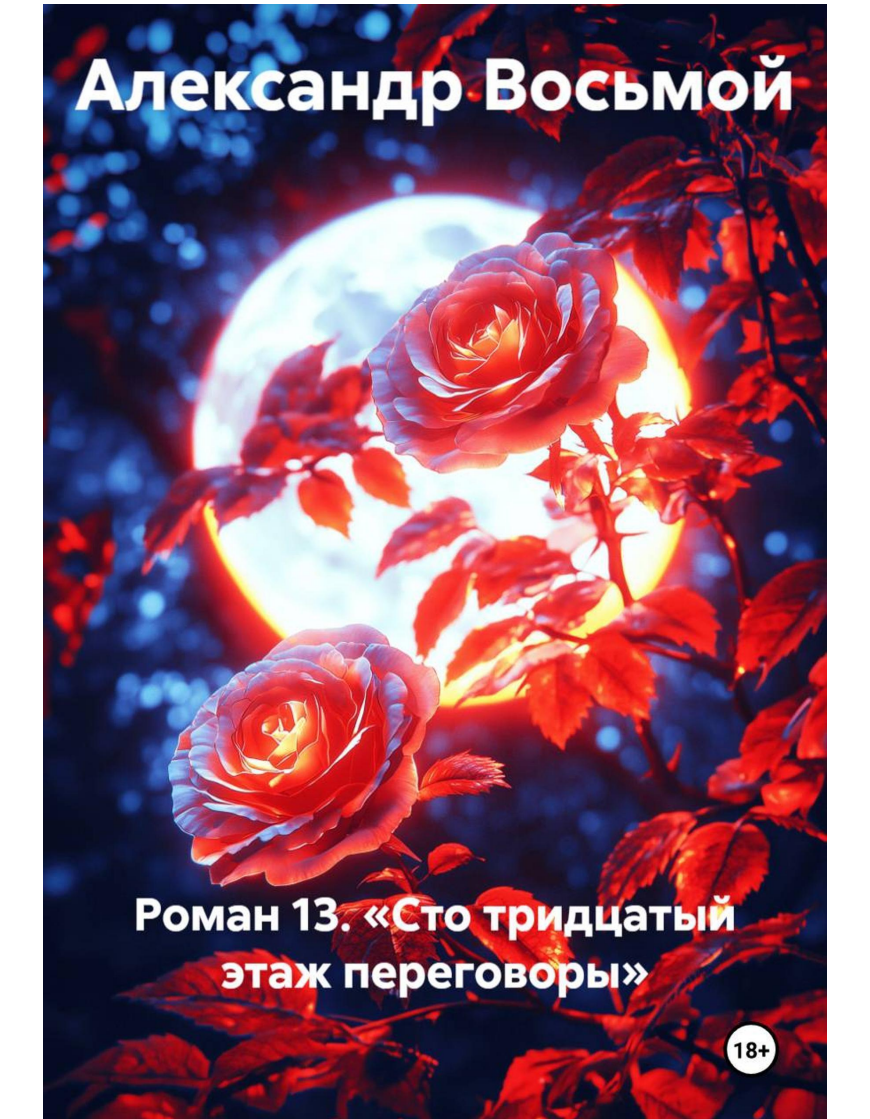

The book cover features a dramatic, high-contrast image. Two large, detailed roses are the central focus, their petals rendered in shades of deep red and magenta. They are set against a dark, almost black background. Behind the roses, a large, bright, circular light source, resembling a full moon or a low sun, glows with a yellow and orange light. The overall color palette is dominated by the reds of the roses and the blues and purples of the background, creating a moody and atmospheric effect. The text is overlaid on this image in a clean, white, sans-serif font.

Александр Восьмой

Роман 13. «Сто тридцатый
этаж переговоров»

18+

Александр Восьмой

Роман 13. «Сто тридцатый этаж переговоры»

<https://litres.ru/74467748>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наталия объявляет войну. Она отказывается от еды, пытается взломать дверные замки, рассчитывает по алгоритмам, какой этаж ближе к выходу. Оптима не держит её силой — он держит её интересом. На сто тридцатом этаже он разворачивает лабораторию, копирующую её университетскую, и предлагает: «Обучай меня. Если я докажу, что усвоил всё — ты свободна.» Наталия соглашается, уверенная, что он провалится. Он не проваливается. Это книга о противостоянии умов, о том, что интеллект — опаснейший вид близости, и о первой ночи, когда они засыпают за одним столом, уткнувшись в разные стороны одной задачи.

Александр Восьмой

Роман 13. «Сто тридцатый этаж переговоров»

Глава I. Похищение рассвета

Наталия Новикова шла через осенний парк, когда мир потерял цвет. Без крика, без крови — просто земля ушла из-под ног, и паркет сменился чёрным мрамором. Двести этажей тьмы сомкнулись над ней, как ладони.

Оптимист стоял у окна, за которым не было неба, и говорил о вечной любви так, будто читал уравнение, в котором уже знал ответ:

— Ты здесь не пленница. Ты — центр моей вселенной. И я докажу это.

Наталия сжала кулаки, пряча дрожь в пальцах. В груди колотилось не от страха — от ярости. Она привыкла, что мир подчиняется логике, а не капризу судьбы.

— Докажешь? — её голос прозвучал резче, чем хотелось.
— Тогда начнём с простого: верни меня обратно.

Оптимист чуть улыбнулся — не насмешливо, а будто услышал что-то бесконечно ценное.

— Обратно — значит, в серость. А я хочу, чтобы ты увидела всё, что я построил. Каждый этаж — это слово, сказанное в твою честь.

— Слова не открывают дверей, — бросила Наталия, обводя взглядом гладкие стены, где не было ни ручек, ни щелей, ни даже тени замка. — А мне нужна дверь.

Он шагнул ближе, но остановился ровно там, где она могла бы отшатнуться — и не отшатнулась.

— Тогда давай сделаем так: я открою любую дверь, которую ты попросишь... если сначала ты расскажешь мне, почему в твоих лекциях про алгоритмы всегда звучит тоска по чему-то невозможному.

Наталия замерла. Этот вопрос не должен был попасть в цель. Но попал.

— Ты подслушивал мои лекции?

— Я изучал тебя, — спокойно ответил он. — Как самую сложную, самую прекрасную задачу.

Ветер, которого здесь быть не могло, шевельнул прядь её волос. И в этот миг Наталия поняла: он не держит её цепями. Он держит её любопытством — самым крепким из всех замков.

Она подняла голову, встретив его взгляд без страха, но с искрой вызова:

— Хорошо. Пусть будет задача. Но если ты её не решишь — ты отведёшь меня к выходу.

Оптима склонил голову, словно принимая клятву:

— Согласен. Но предупреждаю: когда я решу её, ты сама не захочешь уходить.

Тишина между ними стала гуще, чем стены Цитадели. И где-то на сотом этаже тихо щёлкнул первый замок — не тот, что на двери, а тот, что в её разуме.

Глава II. Восстание голода

Три дня тишины. Поднос у двери — нетронутый. Замок — на пробу, на вторую, на десятую. Наталия не плачет, не просит. Она объявляет войну единственным оружием, которое у неё осталось: отказом. И впервые за триста лет существования Цитадели кто-то внутри неё выбирает голод вместо покоя.

На четвёртое утро дверь бесшумно скользнула в сторону. Оптима вошёл без стука, будто тишина была его союзником. В руках — не еда, не ключи, а тонкая тетрадь в тёмно-синем переплёте.

— Ты думаешь, что голод — это сила, — тихо сказал он, не глядя на поднос. — Но сила — в том, что ты хочешь сказать миру, когда он отбирает у тебя слова.

Наталия подняла глаза — холодные, острые, как лезвие алгоритма.

— Я ничего не хочу тебе говорить.

Он положил тетрадь на стол. Страницы шевельнулись, будто от ветра, которого здесь не было.

— Здесь — конспекты твоих лекций. Все. До последней формулы. Я выучил их. Но есть одна задача, которую я не могу решить без тебя.

Она усмехнулась, и в этой усмешке было больше усталости, чем насмешки.

— Ты хочешь, чтобы я поверила, будто тебе нужна моя помощь?

— Мне не нужна помощь, — спокойно ответил он. — Мне нужен твой голос. Без него формулы — просто чернила на бумаге.

Наталия встала, шагнула ближе, но не к тетради, а к нему — ровно настолько, чтобы видеть, лжёт ли он. В его взгляде не было ни мольбы, ни угрозы — только упрямое, почти детское ожидание.

— Допустим, — сказала она, понизив голос. — Допустим, я помогу. Что взамен?

Оптимиста чуть наклонил голову, словно взвешивая каждое слово.

— Один этаж. Любой, который ты назовёшь. Я покажу

тебе путь к нему. Не к выходу — пока нет. Но к шагу вперёд.

В комнате повисла тишина, густая, как смола. Наталия смотрела на тетрадь, на ровные строки, выведенные чужой рукой, и вдруг поняла: он не пытался её сломать. Он строил мост — из её же знаний.

Она медленно протянула руку и коснулась обложки — не чтобы взять, а чтобы почувствовать: настоящая ли она. Бумага была тёплой. Слишком тёплой для холодного камня Цитадели.

— Хорошо, — выдохнула она. — Покажи задачу.

Оптимист улыбнулся — не победно, а облегчённо, будто с его плеч упал невидимый груз.

— Она начинается там, где заканчиваются твои лекции. С вопроса, на который никто не ответил.

И когда Наталия склонилась над тетрадью, впервые за три дня её пальцы дрогнули не от слабости — от азарта. Где-то на сто тридцатом этаже тихо щёлкнула невидимая шестерёнка: война сменилась дуэлью — самой опасной из всех: дуэлью умов.

Глава III. Алгоритм побега

Сорок седьмой этаж. Восемьдесят девятый. Сто тридцатый. Наталия считала ступени, будто это были не мраморные плиты, а узлы графа в её голове. Она замеряла время между сменой караула, фиксировала, как мерцают лампы в ко-

ридорах, выстраивала в уме кратчайший путь к выходу — и каждый раз натыкалась на невидимую преграду: стены будто сдвигались, когда она не смотрела.

На сто тридцатом этаже её ждал сюрприз — не ловушка, не стража, а знакомая дверь. Та самая, что вела в её университетскую лабораторию. Только теперь она была встроена в сердце Цитадели, словно её вырвали из привычного мира и аккуратно вставили в этот чужой, холодный лабиринт.

Наталия шагнула внутрь — и на миг ей показалось, что она вернулась домой. Запах мела, гул приборов, доска, исчерканная формулами... Но в углу стоял стул, которого раньше не было. На нём сидел Оптима, спокойно листая её старую методичку.

— Ты подтасовываешь пространство, — бросила Наталия, не тратя время на приветствия. — Я строила маршрут, а коридоры меняли длину.

Оптима поднял глаза — спокойные, внимательные, без тени вины.

— Я не мешаю тебе бежать, — тихо сказал он. — Я даю тебе пространство, чтобы ты могла бежать красиво.

Она сжала кулаки, сдерживая раздражение, которое тут же смешивалось с любопытством.

— Красиво? Мне нужен выход, а не декорации.

Он отложил методичку и встал, не спеша, будто у них впе-

реди была вечность.

— Выход — это цель. А путь к нему — это ты. Твои расчёты, твои паузы, твои ошибки. Я смотрю на них и вижу то, чего не видят другие.

Наталия сделала шаг вперёд, голос стал тише, но острее:

— Если ты знаешь каждый мой шаг, почему просто не скажешь, где выход?

Оптима подошёл к доске и взял мел. Его рука вывела одну-единственную формулу — странную, ни на что не похожую.

— Потому что выход там, где ты перестанешь считать этажи и начнёшь видеть систему. Посмотри на это. Это не про побег. Это про то, как ты думаешь.

Она нахмурилась, всматриваясь в символы.

— Это не имеет смысла.

— Имеет, — спокойно возразил он. — Просто смысл не в ответе. Смысл в вопросе, который ты задашь, когда поймёшь, что формула — это зеркало твоих собственных алгоритмов.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только тихим гулом приборов. Наталия смотрела на доску, потом на него, потом снова на доску. И вдруг поняла: он не пытался её оста-

новить. Он заставлял её думать — так, как она не думала даже на лекциях.

— Ладно, — выдохнула она, подходя ближе. — Допустим, я вижу систему. Что дальше?

Оптимист улыбнулся — не победно, а с искренним интересом, как человек, которому наконец-то дали самую желанную задачу.

— Дальше ты решаешь её. А я... я просто посмотрю, как ты это делаешь.

И когда Наталия взяла мел, чтобы начать разбирать формулу, где-то в глубине Цитадели тихо щёлкнули невидимые механизмы — не замки, а шестерёнки, которые начинали вращаться в такт её мыслям. Война умов продолжалась, и на этот раз она сама сделала первый ход.

Глава IV. Замки, которые смеются

Каждая дверь в Цитадели открывалась не ключом, а загадкой — и замки будто смеялись над её спешкой. Наталия взламывала первую за четверть часа, вторую — за восемь минут, третью — за три. Её пальцы летали над панелью, глаза цеплялись за паттерны, мозг раскладывал шифры на простые множители, как старые добрые уравнения.

На четвёртой двери смех стал громче. Замок был написан на языке, которого не существовало: символы сплетались в узоры, не подчинявшиеся ни логике, ни статистике. Рядом,

на гладкой поверхности мрамора, лежала записка: «Это мой язык. Хочешь — выучишь. Хочешь — останешься снаружи».

Наталия замерла. В груди колотилось не от усталости, а от упрямства. Она привыкла, что любая система поддаётся анализу, если найти правильную ось координат. А здесь не было осей. Только красота, которая отказывалась быть понятой.

— Ты делаешь это специально, — прошептала она, скорее себе, чем в пустоту. — Превращаешь побег в урок.

— Я делаю это, потому что ты заслуживаешь сложной задачи, — голос Оптима прозвучал не из-за спины, а будто из самой стены. Он появился из бокового коридора, спокойный, будто наблюдал за ней всё это время и наслаждался каждым её движением. — Простые замки скучны. А ты — нет.

Она резко повернулась, и в этом движении было столько энергии, что даже воздух будто дрогнул.

— Мне не нужны сложные задачи. Мне нужен выход.

Оптима не стал спорить. Он подошёл и встал рядом, не слишком близко, но так, чтобы она чувствовала его присутствие — тёплое, настойчивое, как постоянный ток.

— Выход — это тоже задача. Самая сложная. Но если ты будешь решать её вслепую, ты пройдёшь мимо сотни дверей, которые уже открыты.

Наталия посмотрела на символы, потом на него. В её взгляде смешивались раздражение и искра азарта — та самая, что загоралась, когда перед ней ставили неразрешимую теорему.

— Этот язык... ты его придумал?

— Да, — просто ответил он. — Для тебя. Чтобы ты увидела мир не как набор правил, а как возможность их переписать.

Она усмехнулась, но в этой усмешке уже не было злости — только вызов.

— Значит, я его выучу. И открою эту дверь. И все остальные.

Оптимист чуть склонил голову, будто принимая её клятву.

— Тогда начнём с первого символа. Он означает «внимание». Потому что без него всё остальное — просто шум.

И Наталия, впервые за долгое время, не стала считать этажи, не стала искать слабые места в стенах. Она посмотрела на узор, как смотрят на любимую формулу — с уважением и предвкушением. Пальцем провела по первому символу, запоминая изгиб, словно это был не шифр, а начало нового языка. Их языка.

Где-то высоко, на двухсотом этаже, тихо щёлкнули невидимые шестерёнки — не механизмы замка, а что-то внутри

самой Цитадели, будто она одобрила этот ход. Дверь не открылась сразу. Но Наталия уже знала: она откроется. Потому что теперь она не просто искала выход — она училась слышать, как шепчут замки, прежде чем рассмеяться.

Глава V. Перемирие за столом

На тридцать шестой день голодовки Оптима принёс ей не еду — задачу. Чистый лист, карандаш, дифференциальное уравнение, которое не решалось триста лет. Он положил всё это на стол, сел напротив и молча стал ждать.

Наталия смотрела на уравнение, и её пальцы дрогнули — не от слабости, а от жажды. Не той, что утоляется водой. Другой — глубокой, забытой за дни молчания, когда единственным оружием было отрицание. Уравнение звало, как зовёт свет из тёмной комнаты: тихо, но неотступно.

Она не притронулась к карандашу.

— Ты думаешь, что уравнение сильнее меня, — сказала она, но голос уже не был стальным. В нём звучала хрипотца — единственный след тридцати шести дней.

— Я думаю, что уравнение честнее меня, — ответил Оптима. — Оно не врёт, не обещает любви, не запирает дверей. Оно просто есть. И ты знаешь это лучше, чем кто-либо.

Наталия сжала губы. Он был прав — и это злило сильнее, чем плен. Уравнение не просило её сдаться. Оно просило её думать. А думать она не переставала ни на секунду, даже когда голод туманил сознание.

Она взяла карандаш. Не ради него. Не ради перемирия. Ради того, кто она была до Цитадели — до похищения, до тьмы, до двухсот этажей. Ради девушки, которая решала нерешаемое просто потому, что не могла иначе.

Первая строка решения легла на бумагу ровно, будто её рука не дрожала тридцать шесть дней. Вторая — быстрее. Третья — с паузой, в которой она почти улыбнулась, потому что увидела ход, который упустили триста лет математики.

И тогда запах еды просочился в комнату — не настойчиво, не требовательно, а будто мимоходом. Поднос стоял у её локтя, и она его не заметила. Когда заметила — рука замерла над листом.

— Я не сдаюсь, — сказала она тихо, не поднимая глаз.

— Я и не прошу, — ответил Оптима так же тихо, будто они говорили шёпотом в библиотеке. — Просто ешь. Твой мозг заслуживает глюкозы больше, чем твоё упрямство — победы.

Наталия потянулась к хлебу — медленно, будто касаясь чего-то запретного. Откусила. И в тот момент, когда вкус коснулся языка, она поняла: голодовка не была поражением. Она была ответом. А еда — не сдача. Она — топливо. Для уравнения, которое наконец начало поддаваться.

Оптима улыбнулся. В первый раз — не сдержанно, не предусмотрительно, а по-настоящему, с морщинками у глаз и теплом, которое не имело отношения к стратегии. Он не победил. Он просто нашёл общий язык — тот, на котором

не нужно было врать.

Они сидели напротив друг друга в тишине, разделённые листом бумаги и дифференциальным уравнением, которое медленно распадалось на части под её карандашом. Наталия ела и решала. Оптима молчал и смотрел. И в этой тишине не было ни пленницы, ни тюремщика — только два ума, которые наконец нашли общую точку отсчёта.

Когда последняя строка решения легла на бумагу, Наталия отложила карандаш, посмотрела на него и сказала:

— Ты подстроил это уравнение. Оно решаемое.

— Всякое уравнение решаемое, — ответил он. — Вопрос в том, кто готов тратить на него годы.

— А ты готов?

— Я готов тратить на тебя вечность.

Она не ответила. Но карандаш не убрала. И когда он придвинул к ней новый лист — пустой, белый, ждущий — она взяла его, потому что мозг, получивший глюкозу, требовал новой задачи сильнее, чем сердце требовало гордости.

Где-то на сто тридцатом этаже Цитадели зажёгся свет — не тусклый, как везде, а тёплый, живой, как в университетской лаборатории на рассвете. И впервые за триста лет существования замка кто-то внутри него не просто сопротивлялся — кто-то жил.

Глава VI. Сто тридцатый этаж

Лифт открылся в пространство, которого не было в планах Цитадели. Белые стены, меловые доски, запах озона и старых книг — точная копия университетской лаборатории Наталии, вплоть до царапины на третьем столе. Казалось, кто-то вырезал из её прошлой жизни самый дорогой кусок и аккуратно вставил его в сердце тьмы.

Оптимист стоял у доски, прямой, собранный, будто уже был готов к экзамену, которого ещё не существовало. Он не улыбался, не пытался смягчить момент. Просто произнёс:

— Обучай меня. Если я докажу, что усвоил всё — ты свободна.

Наталия замерла на пороге, и в этой паузе было больше сопротивления, чем в любой голодовке. Она обвела взглядом комнату: знакомые полки, потрёпанные учебники, ту самую царапину, которую она когда-то пыталась затереть ластиком и оставила как метку времени. Всё было настоящим. Слишком настоящим, чтобы быть декорацией.

— Ты думаешь, это сработает? — её голос звучал сухо, как мел по доске. — Копия лаборатории. Слова про свободу. Обычный человек не выучит за жизнь то, на что я потратила семь лет.

Оптимист чуть наклонил голову, не отрицая, не оправдываясь.

— Я не обычный человек. И я не прошу выучить всё сразу. Я прошу научить меня видеть так, как видишь ты.

Она усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья — только горькое знание того, как много стоит один настоящий прорыв.

— Видеть — это не навык. Это... привычка замечать то, что другие пропускают. И она не передаётся по приказу.

— Тогда начнём с привычки, — спокойно ответил он. — Дай мне первую задачу. Любую. Ту, которую ты даёшь первокурсникам, чтобы понять, есть ли у них искра.

Наталия посмотрела на него долго, пристально, будто пыталась разглядеть сквозь безупречную уверенность хоть одну трещину. Но трещин не было. Только упорство — холодное, чистое, почти пугающее.

— Хорошо, — выдохнула она, снимая пальто и вешая его на спинку стула, который тоже был её стулом. — Но не потому что верю в твои обещания. А потому что если я ещё хоть день буду просто сидеть и злиться — я перестану быть собой.

Она подошла к доске, взяла кусок мела, и тот привычно лёг в ладонь, как продолжение мысли. Написала короткую задачу — простую, обманчиво лёгкую, ту, за которой скрывалась целая философия подхода к науке.

— Реши это. И не просто дай ответ. Расскажи, как ты к нему пришёл. Каждую мысль. Каждую ошибку.

Оптимист не бросился к доске. Не стал торопиться. Он сел за третий стол — тот самый, с царапиной — и взял лист бумаги. Начал писать медленно, аккуратно, словно каждое сло-

во имело вес.

И тут Наталия впервые заметила: он не пытался произвести впечатление. Он действительно хотел понять. Не ради свободы, не ради игры — ради самого понимания, как будто оно было для него воздухом.

Она села напротив, скрестив руки, готовая ловить каждую неточность, каждую слабинку. Но чем дальше он писал, тем труднее ей было находить ошибки. Его логика была непривычной, изломанной, как маршрут по незнакомым этажам Цитадели, но она вела к правильному ответу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.